

ГОРЬКИЙ — Ю. Н. ТЫНЯНОВ

Юрий Николаевич Тынянов (1895—1943) начал свою литературную деятельность в качестве литературоведа. Участник группы «Опояз», он вскоре выдвинулся как один из лидеров русской формалистической школы в литературоведении.

С середины двадцатых годов Тынянов приступает к созданию исторических повестей и романов, сразу привлечших внимание Горького. «Пишутся очень значительные книги, совершенно неожиданные, как, напр(имер), „Кюхля“ Тынянова...» — сообщал Горький В. В. Иванову 15 октября 1926 г. (т. 29, с. 480).

«Очень обрадован тем, что роман Тынянова <„Кюхля“.— *Ред.*> понравился вам, высоко ценю эту книгу», — писал Горький Д. А. Лутохину (т. 30, с. 6. См. также в наст. томе письма Горького к Федину, стр. 504, и к Форш, стр. 584, 587).

В статье «О литературе» (1930) Горький, говоря о создании в советской литературе «подлинного и высокохудожественного исторического романа», в числе наиболее выдающихся произведений этого жанра назвал и «два отличных, мастерских романа Юрия Тынянова — „Кюхля“ и „Смерть Вазир-Мухтара“» (т. 25, с. 254).

Поводом для возникновения переписки послужило письмо Горького И. А. Груздеву от 12 января 1926 г. (АГ), посвященное анализу «Кюхли» (см. письмо 1, прим. 2).

Позднее Горький, положительно относившийся к историко-литературным работам Тынянова, привлек его к деятельному участию в издании серии «Библиотека поэта».

Тынянов посвятил Горькому статью «Алексей Максимович Горький» («Литературный современник», 1938, № 6).

Во время Великой Отечественной войны в Ленинграде погиб архив Тынянова, в котором, по-видимому, находились и письма Горького.

Ниже печатаются одно письмо Горького и два письма Тынянова.

1

ТЫНЯНОВ — ГОРЬКОМУ

<Ленинград. 21 февраля 1926 г.>

Я очень порадовался, глубокоуважаемый Алексей Максимович, вашему вниманию к «Кюхле»¹. Груздев мне показал ваше письмо о нем². Относительно первых «авенариусовских»³ глав вы не только правы, но так оно фактически и было: издательство заказало мне маленькую повестушку для юношества; но, написав первые главы, я почувствовал, что дальше так не могу и что повесть выйдет не маленькой и не для маленьких. Издательство согласилось, но первые главы уже некогда было писать наново.

Писал (старался писать) повесть как «свободную», — мне очень приелось обычное сейчас «авторское насилие» в размещении материала и в связи действующих лиц, — это насилие сказывается и в фрагментарной бессюжетной прозе (Пильняк) и в сюжетных вещах. Там автор по своей воле двигает словесными глыбами, здесь — фабульными переходами. Я отдался на волю материала, пусть ведет; поэтому в главах — из главы к главе даже мало повторяющихся лиц. Главной задачей было для меня — дать людей эпохи, не археологически их реконструируя («археология»

в историческом романе ведет к ощущению актера, играющего в подлинном, взятом на прокат костюме), а как бы влезая в их положение... Тогда и читатель уже должен пойти не за автором, а за его героями.

Не знаю, насколько мне это удалось, книга писалась в очень короткий срок. То, что вы пишете о самом Кюхле, Вильгельме, меня несколько удивило как взгляд со стороны: признаюсь, что о нем самом, как о «характере» или «главном действующем лице» я как-то мало думал; я хорошо знаю его историю и его писания (в историко-литературном плане) и относился к нему как <к> само собою разумеющемуся. Относительно немцев такого типа, кажется, вы правы. Достану книжечку Леонтьева⁴. Но, по моему, лучше всех чувствовал этот немецкий налет в русских немцах — «действателях» Лесков. У него необычайно чистое и сдержанное письмо в этом отношении (в «Инженерах-бессребрениках» у него выведен Фермор). Вы хотели иметь мою книжечку «Достоевский и Гоголь»⁵. Посылаю ее вам. Книжечка еще молодая. С тех пор у меня был ряд работ — историко-литературных и теоретических. Одна из них, написанная года за 3, но печатающаяся теперь, — о литературных отношениях Пушкина и группы архаистов — Грибоедова, Катенина и Кюхли⁶. Если вас интересует тема, вышлю вам как выйдет.

Вы назвали мою книжку грустной. Это, конечно, так и есть. Грусти у нас теперь много — кто-то давно ее посеял, а мы жнем. Урожай. Самый грустный человек 20-х годов был Грибоедов.

Всего хорошего, Алексей Максимович. Здесь вас любят и ждут.
1926. 21/II.

Юр. Тынянов

Мой адрес, если захотите как-нибудь написать: Ленинград, Греческий пр., д. 15, кв. 18.

¹ Ю. Тынянов. Кюхля. Л., Госиздат, 1925.

² Приводим полностью письмо Горького И. А. Груздеву от 12 января 1926 г. (АГ).

«12. I. 26.

Я думаю, что Тынянова можно от души поздравить: он сумел написать интересную книгу и весьма неплохо написал ее. По первым страницам показалось, что это немножко Авенариус и „для детей старшего возраста“, но по мере того как автор все более тщательно и тонко разрисовывал Кюхельбекера, убедительно развертывалась русская „хорошая книга“ и, м(ожет) б(ыть), одна из самых грустных русских книг.

Против манеры Тынянова можно спорить, — она несколько суховата, излишне „описательна“, местами даже как будто не „сердечна“, но, допустимо, что бессердечие — не что иное, как авторская скромность, целомудрие.

Весьма странно, что российские художники слова как-то игнорировали этот тип — Кюхли, русского Новалиса из немцев. Это звучит чепухово — „русский Новалис из немцев“, но это вполне в стиле треклятой русской чепухи: у нас, среди старцев Оптиной пустыни, был православный немец Зюдергейм, о котором К. Леонтьев очень плохо написал брошюрку. А мне о Зюдергейме рассказывал некий перомонах, друг его детства, и по рассказу его с ясностью выходило, что в юности „православный немец“ был весьма кюхельбекерен, соединяя в себе Гаршина с Андреем Белым и немножко — Чаадаева. Да, этот тип у нас обошли, если забыть о Пьере Безухом, который, к сожалению, написан не столько Толстым, сколько „толстовцем“.

Мимоходом взят у Тынянова Трубецкой, но очень верно. Трубецкие — тоже примечательны, посмотрите-ко на них от времен „семибоярщины“ до современника нашего „евразийца“ Трубецкого.

М(ожет) б(ыть), я неправильно ценю, но мне „Кюхля“ очень нравится, так же, как „Одеты камнем“ Форш. Как будто у нас зарождается очень оригинальный исторический роман, чего никогда не было. Ибо Мережковский — не искусство и даже „литература“ плохая.

Ну, довольно. Вы передайте Тынянову привет мой, пожалуйста.

И будьте здоровы.

†А. Пешков

P. S. Да, статья о Дост(оевском) — Гоголе его? Попросите прислать мне.

А. П.

³ Василий Петрович *Авенариус* (1839—1919) — известен как писатель для детей и юношества. Пользовались популярностью его повести: «Отроческие годы Пушкина», «Гоголь-гимназист», «Гоголь-студент», «Детские годы Моцарта», «Создатель русской оперы Глинка» и др.

ГОРЬКИЙ

Рисунок цветным карандашом Кукрыниксов, 1934 г.

Музей Горького, Москва

⁴ Речь идет о книге К. Н. Леонтьева: «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни». М., «Моск. товарищество», 1882. Другие издания: «Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни (с приложением его писем)». Изд. Казанской Амвросиевской женской пустыни. Шамордино, 1915. «Православный немец. Оптинский иеромонах отец Климент (Зедергольм)». Варшава, изд. В. Истомина, 1880.

⁵ Ю. Тынянов. Достоевский и Гоголь (К теории пародии). Пг., «Опояз», 1921.

⁶ Статья «Арханглы и Пушкин» вошла в сборник статей Ю. Тынянова «Арханглы и новаторы». Л., «Прибой», 1929.

2

ГОРЬКИЙ — ТЫНЯНОВУ

〈Сорренто. 24 марта 1929 г.〉

Ю. Н. Тынянову

Сердечно благодарю вас за «Визирь Мухтара»¹, на днях прочитал.

В комплиментах моих вы, конечно, не нуждаетесь, а все же скажу: хорошая, интереснейшая и «сытная» книга. Удивляет ваше знание эпохи. Четко написаны фигуры Булгарина, Сенковского, — кстати: любимца моего. Превосходно сделан Самсон. Вообще, — характеры вы рисуете, как настоящий, искусный художник слова, что не мешает вам быть проныцательнейшим историком литературы, как о том говорит книга «Архаисты и новаторы», а в ней — особенно оригинальнейшая статья «Гоголь и Достоевский»².

Не понравился мне Чаадаев, кажется даже, что вы обидели его чем то или — он вас обидел.

Грибоедов — замечателен, хотя я не ожидал встретить его таким. Но вы показали его так убедительно, что, должно быть, он таков и был. А если и не был — теперь будет.

Сашка — личность, родственная по духу Петрушке Чичикова, так показался он мне, хотя в нем уже заметно величие Смердякова.

В общем — все очень интересно и лишь местами мне мешал язык — «стиль» Викт(ора) Шкловского — короткая и сухая, парадоксальная фраза.

Не пообидит это замечание? Оно не относится к «Кюхле».

Думаете ли вы еще и еще писать в этом же роде? Будьте здоровы. И — еще раз — спасибо за книгу.

24.III.29. Sorrento.

А. Пешков

Алексею Максимовичу
Горькому
с глубоким уваже-
нием и любовью
1926, 24/III Ю. Тынянов

ДОСТОЕВСКИЙ и ГОГОЛЬ

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Ю. Н. ТЫ-
НЯНОВА ГОРЬКОМУ НА КНИГЕ «ДО-
СТОЕВСКИЙ И ГОГОЛЬ» (Пг., 1921):

«Алексею Максимовичу Горькому с глуро-
ким уважением и любовью.
Ю. Тынянов. 1926, 24/III»

Личная библиотека Горького

Ю. Н. ТЫНЯНОВ

Фотография, 1930 г.

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР,
Москва

¹ Ю. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара. Л., «Прибой», 1929.

² В сборник Тынянова «Архаисты и новаторы» вошло и раннее его исследование «Достоевский и Гоголь», в котором доказывается, что в образе Фомы Опискина из «Села Степанчиково» Достоевский пародийно воспроизвел некоторые черты Гоголя — автора «Выбранных мест из переписки с друзьями».

3

ТЫНЯНОВ — ГОРЬКОМУ

⟨Ленинград. 14 декабря 1931 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Принужден еще раз беспокоить вас по личному делу; состояние здоровья моей дочки ухудшается, и мне необходимо поскорее ее отправить с женою в Германию.

В Гамбурге существуют специальные септические институты проф. Шотмюллера и Муха, где исследуют и лечат ее болезнь новыми препаратами.

Между тем дело задержалось и нужно ваше вторичное напоминание.

Вопрос же о необходимой валюте (хотя бы и в ограниченном количестве) зависит, главным образом, от А. Б. Халатова ¹. Ваше письмо к нему помогло бы и этому.

Дорогой Алексей Максимович, это для меня дело жизненной важности, поэтому вас и беспокою.

Если напишете о моем деле, прошу вас не отказать сообщить мне об этом ².

«Библиотека поэтов» подвигается ³, работа идет, все работают хорошо и заинтересованно. В каждом почти сборнике будут новости, иногда меняющие взгляд на поэтов. В первом сборнике будет обращено внимание на Тредьяковского, неприемлемого в его время социально и отчасти поли-

тически, и поэтому захаянного свыше меры Екатериной. У Державина будет несколько новых, нигде не напечатанных произведений (свыше десятка) — и исключенные Гротом места, где Д<ержавин> выступает против Павла (очень резко). Совершенной новостью будет поэзия «Вольного общества» — гражданская лирика Пнинского кружка (ученика Радищева).

Деятельно собираются материалы по «Гражданской и революционной поэзии 1860—80-х гг.». Образцы агитационной поэзии, уже собранные, крайне любопытны. И т. д.

А с бумагой все же плохо.

Надеюсь, что ваша статья, из которой ясно серьезное значение серии, поможет ⁴.

Крепко жму вашу руку.

Юр. Тынянов

14.XII.31 г.

Ленинград. Греческ. пр., д. № 15, кв. 18.

¹ См. Горький — Григорьев, письмо 18, прим. 6.

² Горький помог Тынянову отправить дочь для лечения за границу. В письме от 21 января 1932 г. Тынянов писал: «Дорогой Алексей Максимович, очень вас благодарю за ваше участие и помощь. Жена с дочкой завтра уже выезжают» (АГ).

³ Тынянов был членом редколлегии издания «Библиотека поэта». См. также Горький — Федяев, письмо 44, прим. 1.

⁴ Статья Горького «О „Библиотеке поэта“» впервые напечатана одновременно в газетах «Правда» и «Известия», 1931, от 6 декабря; в качестве вводной статьи к серии «Библиотека поэта» помещена в кн.: Г. Р. Д е р ж а в и н. Стихотворения. Л., «Изд-во писателей в Ленинграде», 1933.